

*Роман «Любовь на все времена»
посвящается моему прошлому,
будущему и настоящему.
Сногги с любовью, жду нашей встречи, а она
обязательно будет.
И ее преданности нам, нашему сыну,
Томасу Смоллу. И моему мужу, Джоржу,
который понимает и любит нас.
Кем были бы мы, если бы не было любви?!*

ПРОЛОГ

Август, 1577 год

Лорд Блисс умирал. Это был медленный, хотя и безболезненный процесс, и сейчас, когда лето подходило к концу в аромате яблок и астр, он понял, что времени у него осталось немного. Если он и сожалел о чем-нибудь, так это о том, что оставляет после себя только одного наследника, единственную дочь, Эйден. Вот она сидит возле его кровати, занятая вышиванием, его дорогая и покорная дочь, немой упрек его эгоистической, глубокой любви к ней. Конечно, Эйден давно следовало бы быть замужем. Он, однако, был не в состоянии расстаться с ней, со своим чадом, которое он любил больше всего на свете.

Он так долго ждал ее рождения. С ней были связаны все его надежды. То, что родилась девочка, можно было легко простить, потому что ее мать должна была подарить ему других детей, сильных сыновей, под стать их здоровой дочери. Когда же других детей не последовало, это оказалось несущественным, потому что дочь вместе с женой заполнили его сердце. И сейчас, когда ей предстояло остаться одной, его тревожило ее будущее.

Позаботится ли о ее счастье королева, которую он просил посмотреть за своим бесценным ребенком? Когда он отчетливо понял, что умирает, он написал своей государыне, вверяя судьбу Эйден ее заботам, умоляя Елизавету Тюдор позаботиться о том, чтобы его дочь смогла благополучно выйти замуж за хорошего человека, по крайней мере равного ей по происхождению. Только недавно

он получил ответ, в котором выражалось бесстрастное согласие выполнить его последнюю волю. Тем не менее он почувствовал большое облегчение.

Он оставлял свою дочь наследницей огромного состояния, заключающегося и в землях, и в деньгах. Однако состояние состоянием, но он не забывал, что род его совсем незнатный. Большинство выгодных браков обговаривалось, когда дети были еще в колыбели, и, к своему сожалению, он обнаружил, что люди знатного происхождения соединялись с себе подобными. А кроме того, Эйден нельзя было назвать красивой. Нет, она становилась хорошенькой, когда прилагала к этому усилия. Однако чаще всего ее волосы были растрепаны, как у сорванца, а лицо было грязным гораздо чаще, чем чистым. Когда он выговаривал ей по этому поводу, она смеялась и отвечала:

— Отец, я могу только верхом на лошади осмотреть эти обширные земельные угодья, которые вы и мой дед так настойчиво расширяли. После целого дня, проведенного в седле, я, понятно, выгляжу не очень чистой.

Почти всегда он возражал ей:

— Предоставь это бейлифу, дитя мое. Это его обязанность — присматривать за хозяйством. Его семья жила на этих землях еще до того, как мы появились здесь.

— Бейлиф, — мудро отвечала дочь лорда Бласса, — мечтает о свободе действий, отец, но тем не менее он должен знать, что за ним присматривают. Кроме того, нашим людям приятно, когда они видят меня. Я знаю их всех по именам, знакома с их детьми, их заботами, их болячками.

Она улыбнулась.

— Когда они видят хозяина, им остается только быть преданными ему.

Когда она улыбалась, казалось, солнце выглядывало из-за туч. Эйден было далеко до ее красавицы матери, но все же под растрепанными волосами и чумазым лицом скрывалось довольно хорошенькое личико.

Слабая улыбка тронула его губы, когда он вспомнил свою вторую жену, Бевин Фитцджеральд. Он увидел ее в первый раз, когда она приехала из Ирландии, чтобы выйти за него замуж. Ей было только шестнадцать, и она прибыла

8 одна, не считая служанки, подозрительного существа

по имени Мег. Большинство молодых девушек побоялись бы плыть через бурное море в другую страну и выходить замуж за чужестранца. Но Бевин была любопытна как сорока и храбра как пара волкодавов, которых она привезла с собой в качестве свадебного подарка жениху.

Отдаленная родственница Элизабет Фитцджеральд Клинтон, графини Линкольн, Бевин, как и ее элегантная родственница, отличалась высоким ростом и обладала изящной осанкой. Грива рыжевато-каштановых волос теплого оттенка и светлые голубые глаза, которые напоминали ему бледное небо на рассвете, привели его в восторг. Выражение ее лица было таким неправдоподобно милым, ее манера держаться такой привлекательной, что ему, к его собственному удивлению, захотелось сделать ее счастливой. Когда он раздел ее в их первую брачную ночь, ее кожа показалась ему удивительно светлой для его опытного и пресыщенного взгляда. Она гордо и уверенно стояла перед ним в мерцающем свете свечи в своей наготе, совершенно не стыдясь своего замечательного тела. Он изумился своему везению, когда понял, какое бесценное сокровище досталось ему в качестве жены.

Семья лорда Блисса, Сен-Мишели, была семьей состоятельных лондонских купцов, и у нее была добрая репутация. Свои титулы и земли они получили, когда дед лорда Блисса спас старшего сына Генриха VII, принца Артура, от серьезных финансовых неприятностей, связанных с некоторыми не очень порядочными ростовщиками. Он случайно узнал о неприятностях принца и купил долговые расписки королевского отпрыска у ростовщиков. Тем недостало ума понять, какую выгоду можно извлечь, храня их, как сделал это Седрик Сен-Мишель. Став владельцем долговых расписок принца, умный купец щедрым жестом забыл о его долгах.

Король, ставший в старости скаредным, отблагодарил его. Нет, он не предоставил торговому дому Сен-Мишелей королевские привилегии, на что надеялся Седрик Сен-Мишель. Он пожаловал купцу небольшое, несколько запущенное королевское поместье в Ворчестершире и дал ему наследственный титул барона Блисса. Дед лорда Блисса с благодарностью принял королевский дар, который не стоил королю и медного пенни. Потом без суеты начал увеличивать состояние своей семьи.

С годами земли, граничащие с поместьем, которое было известно под названием Перрок-Ройял, постепенно присоединялись к нему — семья Сен-Мишелей скупала их. В итоге небольшая усадьба превратилась в огромное поместье. Но несмотря на дворянский титул, каждый последующий наследник учился отцовскому ремеслу — праздность была столь же чужда Сен-Мишелям, как краснокожий индеец из Нового Света, случись ему попасться им на глаза.

Казалось, Сен-Мишели знали какой-то секрет, позволявший им получать гораздо больший доход, чем их собратьям. Они никогда не забывали о своем происхождении. Но только одного им не хватало. Сыновей. На каждое поколение приходился только один сын. И вот пришло время, когда от семьи осталась только дочь, которая, казалось, была обречена остаться старой девой, если королева не сдержит своего обещания и не найдет подходящего мужа для Эйден Сен-Мишель.

Умиравший лорд Блисс был женат дважды. Его первая жена, младшая дочь барона с севера, прожила долго и смогла отпраздновать тридцать четыре года их совместной жизни. В течение двадцати пяти лет она тщетно пыталась подарить наследника своему терпеливому и ласковому мужу. Были выкидыши и мертворожденные дети, было даже трое детей — хилый мальчик и две девочки, которые, однако, прожили от нескольких месяцев до почти двух лет. Потом дети перестали рождаться, и надежды на их появление тоже не осталось никакой. Первая леди Блисс впала в меланхолию, которая продолжалась девять лет, до тех пор, пока смерть не сжалась над ней. Лорд Блисс, немного стыдясь, почувствовал некоторое облегчение от того, что она умерла. Он может жениться вторично и стать отцом. Теперь он наконец понял короля Гарри в его отчаянии*.

Ему исполнилось пятьдесят два года, когда умерла его первая жена, и он почтительно носил по ней траур в течение целого года — она была хорошей женщиной. В это время он оказал финансовую помощь лорду Эдварду Клинтону и его жене, которым нужны были дополнительные сред-

* Имеется в виду король Генрих VIII, не имевший наследника мужского пола.

ства, чтобы остаться при дворе. Как и многие знатные люди, Клинтонны вряд ли вернули бы долг. Лорд Блисс одолжил им требуемую сумму, отказавшись от процентов в знак своего доброго расположения. Почему он поступил так, он никак не мог вспомнить, объясняя это только тем, что все еще скорбел по своей жене и мысли его путались.

Лорд и леди Клинтон были необычайно благодарны ему, и в порыве великодушия леди Клинтон сказала:

— Если когда-нибудь вам понадобится помощь, милорд, вы можете без колебания обращаться к нам.

Неожиданно лорд Блисс услышал свой собственный голос:

— Я вдовец, мадам, и ищу жену. Не знаете ли вы какую-нибудь подходящую и здоровую молодую женщину, которая не связана брачным контрактом?

— Вполне возможно, что я могу помочь вам, милорд, — последовал ответ. — Дайте мне несколько дней подумать над этим, — любезно сказала Элизабет Фитцджеральд Клинтон.

Позже лорд Клинтон ворчливо пробурчал:

— Каков нахал! Его купеческое прошлое по-прежнему дает о себе знать. Я рад, что ты отделалась от него, Бет.

— Нет, — задумчиво ответила его супруга. — Я кое-что придумала для лорда Блисса, Нед. У моего кузена Рогана Фитцджеральда в Мюнстере есть дочь-бесприданница. Даже монастырь не примет девушку без какого-нибудь приданого. Но я готова побиться об заклад, что лорд Блисс будет рад жениться на родственнице жены лорда-адмирала.

— Войдя в семью, он не будет настаивать, чтобы мы вернули долг! — воскликнул супруг, хлопая себя по коленке. — Клянусь Богом, Бет, ты умная женщина. Я рад, что женился на тебе!

Элизабет Клинтон улыбнулась мужу.

— Нам обоим это пойдет на пользу, — сказала она. — Лорд Блисс пользуется репутацией порядочного человека и, несмотря на свое происхождение, ведет себя как джентльмен. Породнившись с нами, его семья будет пользоваться еще большим уважением. Дочь моего кузена Рогана — крепкая, здоровая девушка, которая, несомненно, подарит мужу много детей. А ведь в конце концов именно поэтому лорд Блисс хочет жениться снова.

Жена лорда-адмирала была совершенно честной с лордом Блиссом, говоря о дочери ее кузена. Девушка — бесприданница. Бевин Фитцджеральд предстанет перед женихом только в том, что будет на ней.

Но она молода, здорова и из хорошей и благородной семьи. Вывод напрашивался сам собой, а лорд Блисс был не глуп. Леди Клинтон не пришлось долго говорить о преимуществах этого брака. Он понял, что его заем не больше чем первый взнос за молодую жену благородного происхождения. Договоренность была достигнута, ведь лорд Блисс был человеком практичным. Вместе с брачными контрактами, посланными Рогану Фитцджеральду в Ирландию, туда же отправился тяжелый кошель с золотом, чтобы невеста смогла приобрести материю для своего нового гардероба. Однако Бевин Фитцджеральд приехала с небольшим сундучком — ее отец знал, что жених ни в чем не сможет отказать красавице невесте, а семье Бевин так необходимо это золото! Неразумно его потратить на тряпки.

В конце концов это оказался брак по любви. Бевин Фитцджеральд Сен-Мишель стала заботливой, мягкой по характеру молодой женой, а лорд Блисс ласковым мужем, любящим и благодарным за любовь к нему. Эйден родилась в первый год их брака. Ее отцу исполнилось пятьдесят четыре, а матери — семнадцать. С самого рождения Эйден была большим, крепким, здоровым ребенком, к огромной радости ее отца. То, что ее мать легко перенесла родовые муки, давало надежду на появление новых детей.

Следующие несколько лет своей короткой жизни леди Блисс пыталась подарить своему мужу отчаянно желаемого сына и наследника. Лучшее, что она смогла сделать, это произвести на свет двух здоровых девочек-близнецов, которые умерли вместе со своей матерью в весеннюю эпидемию, когда им исполнилось всего лишь три года. Эйден было десять.

После этого у лорда Блисса не осталось никого, кроме его единственного возлюбленного чада. Он мог бы жениться снова, как поступали многие мужчины его класса, но он не верил, что когда-нибудь сможет найти счастье, которое обрел с Бевин, а в своем возрасте на меньшее он согласиться не мог. Эйден стала наследницей своего отца,

и ее крепкое здоровье только убеждало его — появление на свет Эйден не прошло без вмешательства воли Господней.

Годы летели незаметно, и сейчас, к своему удивлению — он всегда был крепкого здоровья, — лорд Блисс обнаружил, что находится перед лицом смерти, а Эйден уже не ребенок, а молодая двадцатитрехлетняя женщина. Склонившись над пальцами, она не видела, с какой тревогой приглядывается к ней отец. «Она совсем не похожа на свою мать», — подумал он с сожалением. Волосы Бевин представляли собой роскошную копну спадающих вниз каштановых кудрей, волосы Эйден, длинные и совершенно прямые, имели странный рыжеватый оттенок. Глаза у Бевин были нежно-голубого цвета, каким бывает апрельское небо на рассвете, у Эйден же глаза просто серые. Он тихо вздохнул. Почему дочь не унаследовала совершенное, в форме сердечка, лицо своей матери? У нее такое заурядное лицо. Только в двух вещах дочь походила на мать: прелестной светлой кожей с кремовым оттенком и высоким ростом.

Он снова тихо вздохнул. Он сделал все что мог для своего ребенка. Пока была жива Бевин, она следила, чтобы их дочь выучилась всему, что связано с домашним хозяйством: солению мяса и рыбы, заготовке впрок дичи, приготовлению варений, джемов и консервированию фруктов, разнообразным и многочисленным обязанностям, связанным с пивоварней и кладовой, выпечке хлеба, шитью, починке одежды, приготовлению еды, уходу за посадками лекарственных трав и за огородом, изготовлению целебных мазей и растираний, окуливанию и лечению, изготовлению свечей, мыла и благовоний, умению заготавливать запасы на зиму или на случай непредвиденных обстоятельств, надзору за горничными.

Когда Бевин и близнецы умерли, лорд Блисс взял на себя заботу о настоящем образовании своего единственного ребенка, что помогало ему забывать о своей скорби. К его полному изумлению, Эйден оказалась прекрасной ученицей. Он нанял для занятий с ней удалившегося на покой учителя из Оксфорда. Она изучила языки, как современные, так и древние, могла разговаривать на греческом и латинском так же легко, как на английском или французском. Легко освоила математику, знала, как вести счета, умела читать и писать, изучала и древнюю, и современную историю.

У нее обнаружился музыкальный слух, и она хорошо играла как на спинете, так и на лютне. Четыре раза в неделю приходил учитель танцев.

Лорда Блисса приводил в восторг необычайно острый ум дочери. В беседе Эйден мгновенно находила остроумный ответ. Он желал, чтобы она вошла в общество, как другие девушки, но Эйден, казалось, не интересовалась такими вещами. Она постоянно напоминала ему, что ей гораздо больше нравится оставаться с ним дома в Перрок-Ройял, а ему доставляло удовольствие слышать эти слова.

Лорд Клинтон стал графом Линкольном в 1569 году. Еще тогда лорд Блисс понял, что мог бы воспользоваться их родственными отношениями и устроить судьбу дочери. Но ему так не хотелось расставаться с ней. Кроме того, он был человеком гордым и после женитьбы на Бевин Фитцджеральд очень редко виделся с Клинтоном и его женой, известной теперь благодаря стихам графа Суррея как «Прекрасная Джеральдина».

Понимая, что умирает, он завещал опекунство над дочерью не Клинтону, которым она доводилась родственницей, понимая, что могущественный граф Линкольн просто потеряет Эйден в куче своих домочадцев. Опекунство было доверено самой королеве. Он надеялся, что королева найдет для Эйден место при дворе. А там, глядишь, на нее обратит внимание подходящий джентльмен, который оценит покладистый характер и большое состояние невесты. Тюдоры выдвигали людей из менее благородных семей, чем его собственная, и те были приняты наследственными аристократами. Может быть, его дочь найдет свое счастье, оказавшись при дворе. Это лучшее, что он мог сделать для нее сейчас.

— Отец! — Ее голос ворвался в его мысли. — Не хотите ли супу? — Эйден оторвалась от рукоделия и вопросительно смотрела на него.

Он неожиданно почувствовал страшную усталость, ощутил тяжесть каждого дня из своих семидесяти шести лет.

— Нет, моя дорогая, — сказал он слабым голосом.

— Отец!

Он увидел выражение ее лица — выражение тревоги и плохо скрываемого нетерпения.

Он не мог сдержать болезненную улыбку, которая искажала его лицо. Его голос, когда он заговорил, был таким любящим и слегка ироничным:

— Скажи, что тебя тяготит, Эйден. Я уверен, ты не успокоишься, пока не скажешь.

— Отец! — торопливо заговорила она. — Я хочу, чтобы вы изменили свои планы в отношении меня. Я слишком стара, чтобы меня опекали! Меня пошлют ко двору, а я возненавижу его! Я не любительница светского общества. За мной будут волочиться из-за моего богатства, и в конце концов королева выдаст меня замуж единственно ради удовлетворения своих целей. О моем счастье никто не подумает. Прошу вас не делать этого ради меня!

— Женщина должна выйти замуж, — упрямо сказал он. — Она не в состоянии распоряжаться своим наследством без помощи мужчины. Ты умная девушка, Эйден, однако муж нужен каждой порядочной женщине хорошего происхождения. В этом деле ты должна подчиниться моему решению. Я понимаю твоё нежелание уезжать из Перрок-Ройял, но это девичьи страхи. За всю свою жизнь, дочь моя, ты никогда не выезжала дальше Ворчестера. Это моя вина, но раньше ты доверяла мне, а разве я не всегда поступал правильно по отношению к тебе? Двор — интересное место, Эйден, и под опекой королевы тебе откроются лучшие его стороны. Ты не жеманная девушка, чтобы тебя обманула неискренность какого-нибудь охотника за состоянием. Ты из тех, кто умеет выживать, Эйден. Ты всегда была такой.

Эйден глубоко вздохнула. Спорить с отцом бесполезно. Она повторит свою попытку завтра.

— Хорошо, отец, — послушно сказала она, и он слабо улыбнулся ей, измучившись от столь долгой речи. Он понимал, что на самом деле она не согласилась с его решением, даже если и не стала говорить об этом сегодня.

— Ты хорошая девочка, Эйден, — прошептал он хрипло.

Сейчас он устал. Очень, очень устал.

Она встала, нежно поцеловала его в лоб, расправила одеяло.

— Сейчас поздно, отец, и я устала. Мы готовили сегодня ароматическую смесь из лаванды и розы, да и стирки было много. В прачечной новенькие девушки, и за